

Сайра Вервольф
Тёмные улицы

Сайра Вервольф

Тёмные улицы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23792896

ISBN 9785448505492

Аннотация

Какие секреты таят в себе закоулки и маленькие улочки, сокрытые в тенях больших домов? Какие странные люди и не совсем люди живут там? Как складываются судьбы тех, кто живёт не по правилам звериной стаи, а по совести? Что будет, если в одном городе сойдутся пути представителей крылатых – мечтателей и романтиков, нелюдей, которые жили тут ещё в те времена, когда люди только с деревьев слезли, и людей, которые не могут спокойно смотреть на тот беспредел что происходит вокруг?

Содержание

Слово автора	5
Вначале было слово	9
Чужие среди чужих	21
Гадес	35
Змей	56
Абигайль	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Тёмные улицы

Сайра Вервольф

Редактор Татьяна Куденчук

Иллюстратор Сайра Вервольф

Иллюстратор Анастасия Кумихо

© Сайра Вервольф, 2017

© Сайра Вервольф, иллюстрации, 2017

© Анастасия Кумихо, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0549-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово автора

Фото – Алиша Вальтер.

Очень ценю свободу слова и свободу воли
Живу в свободной стране. Х*ли, всем доволен.

Мир гармоничен, справедлив, он просто
восхитителен

Когда за спиной влиятельные покровители
(Noize MC).

Это самый обычный город, каких полно на карте нашей страны. Да и не только нашей. Со своими улочками и переулками, где вечерами копошатся крысы, коты и собаки, на время забывшие про вражду и умирающие от голода; где подвыпившая молодежь собирается по вечерам на лавочкам и распевает песни под гитару; где прочие существуют отбросы общества в лице бомжей и затасканных женщин, продающих себя за бутылку дешёвой водки.

Город приютил внутри прожорливого чрева точно такой же квартал, как и во всех маленьких и больших городах. «Квартал бедных» – так его называли все кому не лень. Но под бедностью значился только социальный статус живущих здесь людей. И совсем не бралось в расчёт духовное богатство, наличием которого обитатели квартала могли дать фору на сто очков вперёд «благополучным» и «богатеньким» тётенькам и дяденькам из других районов.

– Ничего интересного там нет. Одна грязь, – бросит через плечо случайный прохожий, торопясь по важным для него делам.

– А вы сами видели?

На вас посмотрят, как на душевнобольного, при этом стараясь не встречаться с вами взглядом. Тишина – самый громкий ответ для «глупых» вопросов. А на шее тем временем повиснет ярлык. Что-то наподобие «Любитель бедных», «Миротворец», «Спонсор».

Не удивляйтесь. В наши дни без ярлыков совсем нельзя. Они так же жизненно необходимы, как и маски, которые люди носят на себе. Если ты снимаешь маску и перестаёшь играть в игры, то с тобой перестают общаться. От тебя шарахаются, как от прокажённого. Может даже случиться так, что любящие соседи вызывают бригаду скорой помощи и тебя увозят под весело орущую сирену в больницу с решётками на окнах и замками на дверях.

Каждый город хранит свои тайны.

P.S. Может уже хватит обливать всех словесной грязью? Однажды и вы на своей собственной шкуре узнаете, что значит оказаться жертвой клеветы. А пока, добро пожаловать

в серый город, где живут только на первый взгляд обычные люди.

Эти улицы видели многих.
Эти здания слышали тайны.
В переулке сошлись все дороги.
Их не видит никто из охраны.

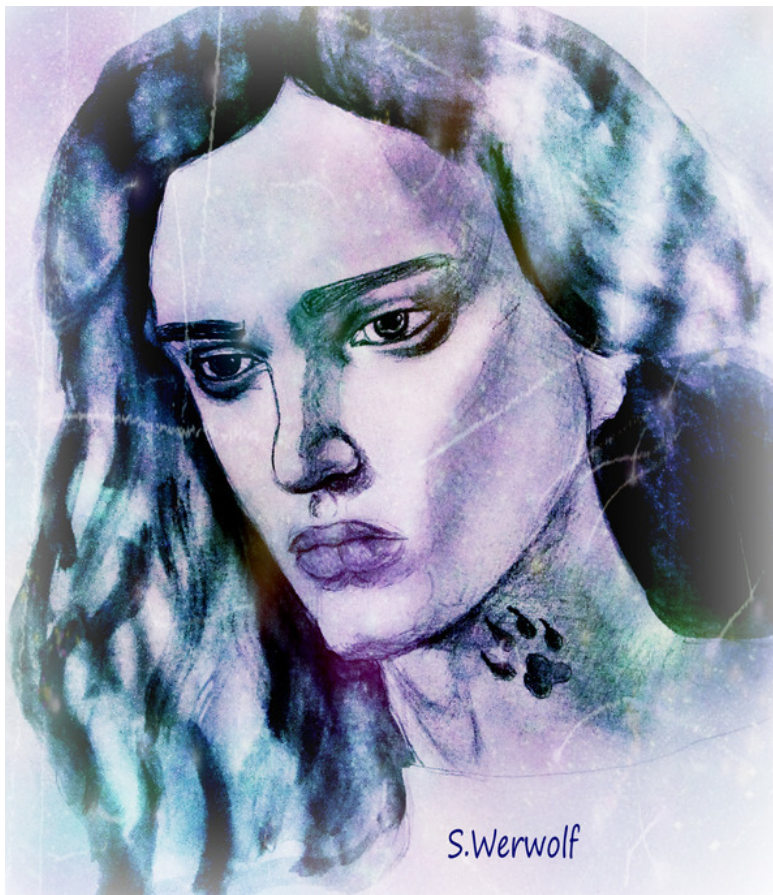
В этом городе скрыта туманом
вся изнанка, прикрытая лоском.
Здесь советники правят обманом,
запрещая и думать о звёздах.

В этом городе солнце не светит.
Небо днём слоено смога закрыто.
За себя каждый сам тут в ответе.
Маскируйся. И всё шито – крыто.

Если выступишь против системы,
то рискуешь лишиться рассудка.
Для восставших есть выход извечный:
Пуля в голову или комната в дурке¹.

¹ Евгений Волконский, стихотворение «Этот город». https://vk.com/vihri_plameni_dushi

Вначале было слово

Грай.

В сером пальто он выходит на улицу.
Небо отчаянно льётся да через край.
Небеса хмурятся, небо сутулится.
Хочешь не хочешь, а вот он, твой рай.
С. Вервольф.

Он ищет Грая². Но Грай давно ушёл в другой мир. В том мире в небе кружат величественные драконы, феи и эльфы прячутся в лесах. Русалки в лунную ночь водят хороводы в водоёмах и ручьях, зазывая случайного путника в свои объятия да так и оставляя лежать на дне среди камней и трав.

Врачи не верят в драконов и вкальвуют очередной кубик галоперидола. Смирительная рубашка не позволяет сопротивляться. А решётки на окнах портят небесную панораму.

– Ты только держись, Грай. Притворись, что ничего нет. И тогда тебя выпустят.

Стальные глаза оттенка предгрозового неба презрительно смотрят прямо в душу:

– Тебе надо, ты и притворяйся. Сколько вас таких, притворяющихся, делающих вид, что всё хорошо и так было всегда?

² Грай- громкий беспорядочный крик птиц, карканье ворон.

Каждое слово бьёт по сердцу, причиняя невыносимую боль. Царапает, вгрызается в мягкую мышечную ткань и остаётся там навсегда, пульсируя время от времени под кожей, не разрешая забыть.

– Ты должен понимать, Безликий, что так дальше продолжаться не может. Почему об нас вытирают ноги, как будто мы ничего не значащая вещь у порога их квартир? Сколько нас ещё будут прятать по психушкам, ломая и калеча, подстраивая под себя? Не пора ли ИМ подстраиваться под нас? Мы ТОЖЕ имеем права на жизнь.

Безликий ничем не сможет парировать гневный выпад Грая. Он, как никто другой, понимает боль парня. Но не имеет права вмешиваться. Таковы законы, написанные не им, но и для него тоже. Вполне вероятно, что потом что-нибудь изменится. Но это случится потом, а не сейчас. Сейчас главное – выждать.

– Уходи, Безликий. Я устал.

Бесцветный шёпот парня заденет за живое. Не так, совсем не так должно произойти. Граю не место здесь. Никому из таких, как он, не место здесь. Их стихия – небо.

– Ты только держись.

Грай делает вид, что оглох на оба уха. Поседевшие раньше времени волосы упадут на лицо, скрывая мокрую дорожку слёз.

Дельта.

Дельта тоже уже не та. Прячет стройное тело под бесформенными балахонами. Рисует на лице чёрной тушью карикатуры. Вчера она играла роль Джокера, сегодня растягивает

полные губы в презрительной улыбке Гай Фокс. Прохожие шарахаются, крутят у виска. Но никто из них не знает, что под этим хламом в виде одежды и грима она прячет боль.

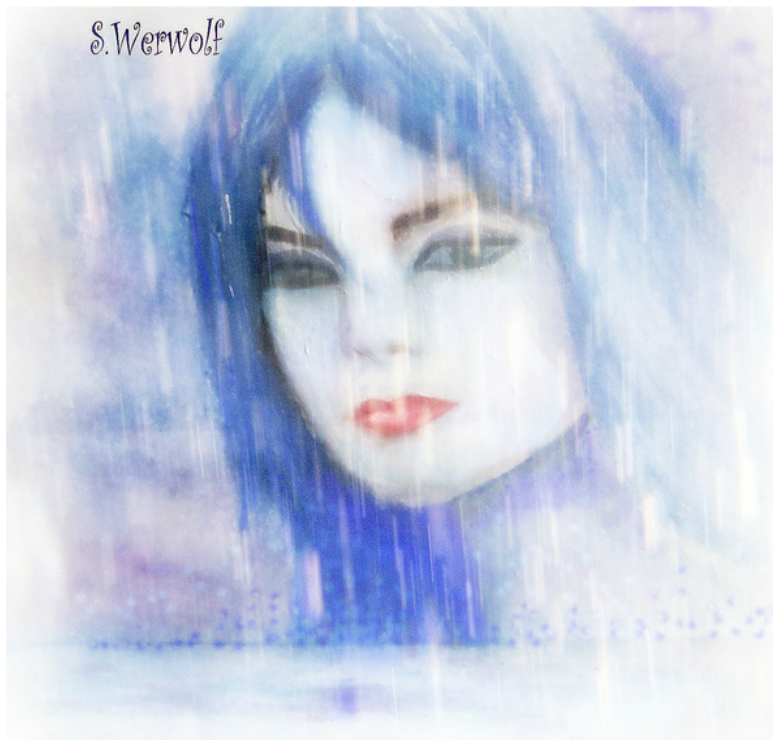
Пять лет назад Дельте вырвали крылья. С тех пор она не умеет летать. Иногда обрубки на лопатках начинают кровоточить. Отшучивается, что очередной герой-любовник расцарапал спину во время любовного экстаза. Но при этом не смотрит в глаза и поскорее натягивает на себя измятое пальто.

– Ты бы осторожнее выбирала партнёров на ночь, – волнуется за неё единственная подруга. – Сейчас полно всяких отморожков. Это они с виду паиньки и маменькины сыночки.

Дельта понимающе улыбается и заверяет девушку, что всё будет в ажуре. Лазурь не верит, но что поделаешь? Не сажать же Дельту под замок? Не маленькая, за двадцать перевалило.

Мелкие светлые кудряшки выбиваются из причёски, причиняя массу неудобств своей хозяйки. Ни тонны лака, ни заколки-крабы, ни выпрямление волос в парикмахерской не дают нужного результата. Устав бороться с непослушной гривой, Дельта поглубже натягивает капюшон в надежде, что хоть он спрячет волосы. Тёмно-карие вишенки глаз недо-

вольно отражаются в зеркале. И в кого такая удалась?

Лазурь.

Лазурь не спит по ночам. Такие, как она, никогда не спят.

Но нужно выглядеть живой. Ничем не отличаться от серой массы спящих людей.

Мать – проститутка. Отец – бывший наркоман и матёрый зек. Когда отпускает «зелёный змий», он насилует дочь. Странно, но мать не реагирует на слова Лазури.

– Лучше он, чем прыщавый маменькин сыночек в подворотне. Отец хоть научит что да как.

Три аборта от отца не в счёт.

Мать права. Она не просто взрослая. Человеческие восемнадцать лет маленькая капля в море по сравнению с её настоящим возрастом. Она старше матери на тысячу лет. Строчка из песни Наутилуса Помпилиуса «Она старше, чем мать. Он должен стать её мужем» – в этом контексте играет новыми цветами и гранями.

По привычке прячет крылья. Люди их не видят. Нелюдям пофиг. У них свои заботы и разборки. Какое им дело до светлого ангела с лазурными глазами?

Неправдоподобно синие волосы струятся по спине. Она никогда их не закалывает, не прячет под шапками.

– Покрасишь ты свои пакли или нет? – доносится до ушей злой голос матери. – Ходишь как старуха.

Она не покрасит. Ей нравится цвет. Он напоминает ей об облаках, белых и пушистых. О небесной синеве. И о Грае.

Ворон.

У Ворона зеркально повторяемая ситуация дома. С той лишь разницей, что он парень с чёрными птичьими крыльями.

ми своего собрата ворона по кличке Морок. И домогается до него собственная мамаша – матёрая уголовница. У них с матерью разница всего два десятка лет. Залетела по молодости и хотела отдать орущее, какающее и писающее дитяtko в детский дом. Но двухкомнатная квартира, завещаемая ребёнку умирающей бабушкой, переменяла ветер. Ворона оставили.

На его восемнадцатый день рождения податая мать посреди ночи вломилась к нему в комнату и, приставив нож к незащищённому горлу, потребовала удовлетворить её прямо на полу, чтобы его проклятая птица видела.

– Проболтаешься кому и я выпотрошу тебя как сочного поросёнка. Здесь я – власть.

С тех пор Ворон по первому требованию матери приходит к ней в спальню, предварительно заперев дверь на ключ. Ненавидит себя, задыхается от душивших его слёз, но ничего не может сделать со сложившейся ситуацией. Никто ему не поверит. Чтобы здоровый парень не мог справиться с маленькой женщиной, даже бывшей уголовницей?

По ночам опухшими от слёз глазами он смотрит в звёздное небо и неистово шепчет:

– И ради этого ты посла меня на землю? Ради этого?

Но никто не отвечает. И каждый раз всё повторяется по затёртому до дыр сценарию. Спальня матери, слёзы в ванне. Но между строк остаётся то, что во время таких вот походов он отдаёт этой женщине кусочки тепла и света, чтобы хоть на короткое время она вышла из своего пьяного угара и вспомнила кем она была на небесах. Пускай его жертва и не приносит сейчас плодов, но он верит, что чудо обязательно случится. Главное – ещё немного подождать. Вода камень точит.

– Ты справишься, – утешает Лазурь во время очередной тайной встречи в кафе. – Ты сильнее, чем можешь себе представить.

– Сильный. И грязный. По уши в грехах. – Горько усмехается Ворон, одним глотком выпивая горячий кофе. И удивлённо смотрит в пустой пластмассовый стаканчик.

Занятый душевными терзаниями, он не заметил как прикончил скромный обед. Даже вкуса не почувствовал.

– Я закажу ещё. И не спорь. У меня есть деньги.

Запротестовавший было Ворон уныло повесил голову.

Виноватая улыбка скользнула по губам парня.

Что не говори, а он настоящий красавец. Жгучий брюнет с чертами лица какого-нибудь сурового викинга. Высокий, с широкими плечами и узкими бёдрами. Красиво очерченные скулы. Зато губы поражали своим насыщенно алым цветом. Да ещё и глаза: выразительные, меняющие цвет от настроения, погоды или освещения. То они пронзают своей холодной синевой, то искрятся золотистыми всполохами на сером. А в минуты гнева могут полыхнуть тёмным, почти чёрным углём.

Лазурь подавит тяжёлый вздох и ободряюще сожмёт ладонь парня. Ему бы сниматься в каком-нибудь фильме или сериале с такой внешностью. Но судьба жестока и вместо этого Ворон проживает лучшие годы жизни в грязном городе. Все они завязли в невидимой паутине и не знают способа выбраться, не в силах порвать липкие путы. Может быть, это случится потом. Должно случится. Не верит она, что Создатель забыл про своих детей, не верит.

Чужие среди чужих

Я уверена, что ты переплывешь целый океан, увидев меня одиноко возвышающейся над морской гладью. Я убеждена – ты из последних сил крикнешь мне что-то, а я вздрогну, обернусь и прыгну к тебе навстречу, игнорируя свое полное неумение плавать. Я знаю, ты удержишь меня на поверхности, а если нет, то мы вместе пойдем ко дну и будем смотреть на больших рыб. Мы смело поймем медузу голыми руками и будем долго целовать друг друга пальцы, чтобы уменьшить боль от ожогов. (Дарья Волобаева).

Они все друг друга знают, но притворяются чужими. Только Лазурь, наплевав на правила и приличия, встречается в кафе с Дельтой и Вороном, раз в неделю навещает Грая в психиатрической больнице.

– Да что же ты делаешь, дура бестолковая? – Змей в очередной раз вылавливает синеволосую девушку у дверей больницы и тащит за угол, подальше от чужих глаз. – Ты нас всех подставляешь под удар.

– Своих бросают в беде только трусы. Или твари. Такие как он. – кивок головы в сторону невзрачного бомжа.

Но под маской отброса общества скрывается опасное существо. В мире людей ещё не придумали название для подобной нежити. Вампиры – да, знаем.оборотни? Играли за них в компьютерной игрушке. Драконы, эльфы, гномы? Супер! Но орки и назгулы рулят. Сто пудов, чувак! Дай пять и пошли глушить пиво в кафешку.

Змей беспомощно опускает руки. Ему нечего добавить. К тому же они оба знаю, что гнев Лазурь справедлив. Но страх быть разоблачённым сковывает мозг и лишает воли.

Грай тоже для приличия ворчит, но глаза обмануть не могут. Он чертовски рад, что в этом богами забытом месте хоть кто-то помнит и любит его. Впрочем, как и он.

– Там всё по-прежнему?

Лазурь печально улыбается и придвигается поближе. В кои то веки парень сидит без смирительной рубашки. А это значит, что его можно обнять. По-настоящему, по-взрослому, пряча голову у него на плече и вдыхая ставший привычным запах больницы и лекарств. Кольцо его рук осторожно сомкнётся сзади. Чтобы не помять крылья. Чтобы не потревожить сломанные рёбра.

– Он сказал «Притворись». И я послушался. Надоело торчать здесь.

Лазурь поняла, кого имел ввиду Грай. Человек в сером пальто. Без имени, без лица. Вот кому она страшно завидовала. И готова руку на отсечение дать, что и остальные тоже. Законы этого мира написаны явно не для него. Он мог свободно захаживать в любую больницу, любой морг и дом и везде его встречали как дорогого гостя.

– Так нужно, Грай. Так нужно.

– А ты? Тебе не надоело?

Надоело. Только в слух она никому не признается. Даже Граю.

«Особенно Граю», – мысленно поправит она себя и уткнётся носом в шею парня.

– Скучала?

– Да...

В тихом шёпоте отразится вся боль, все мысли и желания. Слова ни к чему. Они только портят волшебную атмосферу

близости двух душ. Но и без слов можно рассказать многое и даже больше.

Они понимали друг друга с полуслова, с полумысли. Казалось, души их сотканы из одной материи, сотворены под одной звездой. Они чувствовали друг друга на расстоянии и знали, когда одному из них нужна помощь и поддержка. Не стыдясь, дарили они свет и любовь окружающему миру, на собственном примере показывая как нужно по-настоящему любить и уважать своих партнёров.

Если и возникала какая-то проблема, то решали они её вместе, сообща, а не прячась на пример крыс по углам и щелям. Какой толк от молчания и обид, если они разрушают в первую очередь тебя? Не лучше ли открыть Душу и спокойно, без ругани и оскорблений, поведать о том, что тебя гнетёт и ранит в данный момент времени?

Грай смотрит в небесные глаза Лазурь и видит в их глубине отражение себя: настоящего, без масок и прикрас.

– Ты – моё зеркало, – ласково шепчет он и дёргает девушку за мочку уха.

– А ты – моё.

В их глазах зажигаются звёзды, вспыхивают пульсары. Космические вихри затягивают в воронку мелкие астероиды и метеориты. Галактики сталкиваются, сливаясь друг с другом, давая жизнь чему-то новому и невероятно прекрасному. Планеты сходят с ума и слетают с орбит. Словно вся Вселенная прелеветствует двух возлюбленных, которым Создателем заповедано встретиться, чтобы никогда не разлучаться.

S. Werwolf

Цыган.

Он самый настоящий. Цыган по крови и по кличке. Непредсказуемый, неуловимый. Сегодня здесь, а завтра там. Ему бы быть бароном, но он предпочёл остаться колдуном, передав власть в руки подающего надежду парня.

В свои пятьдесят лет он выглядел на удивление молодо. И тюрьма ничем не отпечаталась на смуглом лице. Отсидел по молодости за воровство, с кем не бывает.

– Ворожит, старый пёс. – шушукались за спиной поголовно все цыгане, от баб до мужиков.

Чёрт с ним, с проклятым племенем. Он то знает правду. Он и такие, как он. А доказывать что-то остальным – только воду месить в ступке.

Цыган с наслаждением курил трубку. Нередко удаётся посидеть вот так, в тишине, у догорающего костра. Табор уехал в другой город, оставив его одного. Скатертью дорога. А ему и здесь не плохо. К тому же велено присмотреть за молодняком. Ох уж эта молодость и горячая кровь, ох уж эти амбиции и желание стать первопроходцем, тем, кто изменит вековые правила и порядки, написанные кем-то на небе.

Под молодняком подразумевались те, Другие. Их были тысячи. Остались сотни. Одни помнят свою суть. Остальные забыли. Остальные стали ничем не отличимы от серых людей. Этот мир ломает даже сильных.

Змей неслышно подкрался сзади.

– Тьфу, гад ползучий. – против воли ругнулся Цыган. – Кончай так делать.

– Грай опять мутит воду.

– Оставь его в покое. Сколько раз говорить?

Змеиная улыбка скользнула по лицу: глаза ледяные, так, быстрое движение губ, зубов и языка.

– Слушаюсь и повинуюсь, папочка.

– Ты мне эти шутки брось. – Цыган сердито сплюнул на землю. – Ты мне никто, нелюдь. Запомни это. Не знаю, какую ты выгоду ищешь, но меня не обманешь. И Лазурь не трогай. Она тебя как огня боится.

– Приятно осознавать, что хоть кто-то меня побаивается.

– Ты понял о чём я говорю. Если сказал, что боится – значит боится. По-взрослому.

Змей на минуту задумался и кивнул. Цыган просто так бросать слова на ветер не будет. Это либо приказ, либо смертный приговор. Третьего не дано.

«И кто только поставил его главным». Вслух этого не произнёс. И так все знали: Цыгана сделали главным потому что он, как никто другой, знает, как выжить в мире людей. И охотно раскроет свои секреты. Только знать нужно подход к нему. Или обход. Но это на крайний случай.

Гарпия.

Гарпия³ в очередной раз продавала себя за деньги. Зареклась, что в последний раз. Рыла ногтями землю. Крестилась и божилась. Но снова срывалась.

– Я летать хочу. Пойми ты, Безымянный. Ты же помнишь, как это было.

Безымянный, он же Безликий, в сером измятом пальто, молчал. Он помнил. И понимал. Им, птицам, тяжелее всего. Рождённый летать ползать не научен. И с этим ничего не сделаешь.

Брила ноги и вырывала с кровью когти. Замазывала килограммами тонального крема шрамы на руках и плечах. На вопрос очередного клиента отмахивалась:

– Врождённая мутация. Один на миллион.

Клиент понимающе кивал, глядя на её деформированные ступни. Главное, что тело отменное и личико смазливое. А ноги всегда можно спрятать под простынёй. Дело-то одной ничтожной минуты.

³ Гарпия – персонаж греческой мифологии, дикое полу женщины – полу птицы с крыльями и лапами грифона и грудью и головой женщины.

И вот очередная ночь оглашается криками удовольствия как мужчины, так и Гарпии. Деньги, потраченные на неё, стоили того.

– Горячая штучка. Не встречал ещё таких, – делился мужчина по телефону со своим товарищем по бизнесу.

Скоро у девушки-птицы будет новый клиент. Но это потом.

А пока она ещё долго лежала и смотрела в звёздное небо. Была в небе мыслями и ещё каким-то телом, то ли астральным, то ли ментальным. Сам чёрт не разберёт, где кончается одно и начинается другое.

Может, в этот раз силы и энергии, полученной от самца, хватит на более продолжительное время?

Она не была паразитом. Не была энергетическим вампиром. Силу ей давали негативные эмоции людей. Злоба, ненависть, жажда лёгких денег и славы. Гарпия принимала их с благодарностью и перерабатывала в своём хрупком теле. Взамен отдавала обратно чистое, доброе и нежное. То, что было чёрным, становилось белым и возвращало потерянные в бессмысленной суете города силы и энергию.

Незаметно такую вещь не провернёшь. Нужно время и душевная близость с человеком. А когда падают барьеры и человек становится самим собой? Правильно, когда он спит или занимается любовью. Вот и приходилось Гарпии жертвовать малым ради большого и священного.

Птица забирала себе грязь людей, чтобы снова летать. Во время оргазма и после завершения земной жизни.

За кадром оставались утопающие в тазике с кровью бритвы и лезвия и бесчисленные попытки суицида, когда душевная боль достигала апогея. За кадром оставались слёзы в подушку и угрозы богатого брата, занимавшего какой-то там пост в верховной власти и за руку здоровавшегося с премьер-министрами всех цветов и мастей. В стаде благородных аристократов завелась плешивая овца, портящая всю картину маслом.

Брат не понимал, что его попытки сделать из сестры леди высшей марки только усугубляют ситуацию. Стены давили на неё, лишали воздуха и свободного передвижения. Следующие по пятам охранники пробуждали приступы паранойи, от которых можно спастись только одним способом: запереться в комнате и залезть в шкаф. Тогда охрану убрали.

Ночные похождения по мужикам закончились тем, что

Гарпию посадили под домашний арест. Но не надолго. Прыжок в окно с седьмого этажа вернул брата на землю.

И лишь жалость не позволяла ему упрячь Гарпию в психиатрический диспансер для богатых, куда даже комар носа не просунет.

Гадес

Гадес.

Гадес лениво докуривал шестую подряд сигарету. Молоденькие официантки призывно стреляли в его сторону чересчур ярко накрашенными глазами и пытались выглядеть при этом крутыми и взрослыми. Наивные. Выставляют себя посмешищем и сами не понимают этого.

Поймал взгляд одной юной нимфы. Нить, пробежавшая от его глаз, мгновенно связала их в одно крепкое и неразрывное. Помани пальцем и на корячках приползёт, отдавая свою девственность прямо тут, на грязном, пропахшем пивом, столе в дешёвом (хотя почему дешёвом?) баре для байкеров и прочих оторвышей на окраине города. А может?

Похотливая мысль в отношении дочери человеческой горячей лавой разлилась по венам, находя отклик в голодном до женского общества теле.

– Ай, бесстыдник. Впустую тратить свою силу на каких-то замарашек! А ещё носишь имя бога.

Змеиные глаза полыхнули в табачном дыму.

– Тебя не учили, что подкрадываться сзади не хорошо? – Гадес болезненно поморщился.

Нить со слышимым только ему звуком лопнула, оставляя

его, Гадеса, отпечаток на девочке-официантке. Ещё не принадлежит ему, но уже помечена. Чтобы другие знали, что у юного создания есть если не Хозяин, то претендент на тело и то, что тело может дать.

– Так я и не подкрадывался. – Широкий оскал обнажил зубы Змея. Острые, заточенные им самостоятельно. – Топал, как слон, пыхтел, как паровоз, выл, как привидение и крушил мебель аки безумный.

– Хватит паясничать. Говори, что нужно и убирайся в свою нору.

Змеиный отпрыск театрально закатил глаза и схватился за грудь:

– Я к тебе со всей душой, а ты бьёшь, не щадя. Эх ты, мертвечина ходячая.

Слова не возымели действия. Некромант так же лениво валялся в кресле, закинув одну ногу на другую и поигрывая цепочкой на шее. Массивное золотое украшение: две переплетающиеся в любовном танце змеи. Подарок бывшей возлюбленной.

Змей давно заметил этот странный артефакт, но всё

не решался спросить, что за чудо девица подарило ему его и знает ли мертвяк значение цепи. Хотя подозревать, что Гадес чего-то не знает довольно опасно. Тот, кто имеет дело со Смертью и ходит у неё в любимчиках, если не в любовниках, должен знать всё на свете и даже больше. А вот показывать ли свои знания всем подряд – другой вопрос.

– Ты бы побрился что ли, Гадес. Ну ё-моё, девок уже на такое не купишь. До старости будешь играть со своими волшебными фокусами?

Молчание. Хозяин бара явно не настроен на общение с нелюдем.

– Ладно, ладно! Смой со своей физиономии скучающее выражение лица. Цыган кинул клич.

– Что?

– О, Земля услышала шёпот Луны? – Змей хихикнул и подмигнул сидевшему напротив мужчине с тёмными, почти чёрными волосами в шёлковой рубашке под цвет.

– Как – кинул клич? Когда? По какой причине?

– Нелюди просят о помощи. Цыган мог бы и сам принять

решение и дать ответ. Но он уважает мнение каждого.

Выругавшись, Гадес встал со своего места и подошёл к окну. Свет восходящей полной луны создавал вокруг его головы серебряный диск.

– А... Она там будет?

Нелюдь понял, про кого речь и кивнул. Знал, что мужчина почувствует кивок. Прощаться не стал. Пожелания счастливой ночи только разозлят и без того взбудораженного некроманта. Лишь обернулся в дверях и чуть слышно произнёс:

– Ты бы аккуратнее... с девчонкой... Грай вон... Ещё тебя не хватало...

И ушёл, растворяясь в сумраке ночи. Весенний ночной дождь, начавшийся вслед за его исчезновением, смыл последние следы пребывания Змея в баре.

Гадес обернулся, почувствовав на себе взгляд официантки. Поймал его и открылся навстречу. Выпустил всю силу, ни на минуту не задумываясь, что делает. Ему нужно удовлетворение. Ему нужна разрядка.

Девушка слабо всхлипнула. Острые плечи, выглядываю-

щие из под блузки безрукавки, понуро опустились. Ментальная преграда, если она и была, разбилась вдребезги перед мощью некроманта.

– Поднимись ко мне через пятнадцать минут.

Девушка кивнула. О том, что он жил на втором этаже здания, выкупленном им под забегаловку, знал весь персонал и посетители, коих было в избытке.

Другие официантки завистливо посмотрели в след своей напарнице, ломая голову, что же такое сказал хозяин. Но разгадать эту загадку сегодня не удастся. Через пятнадцать минут открытие бара и клиенты повалят лавиной. В прочем, как и всегда.

Он стал первым кто входил в её тело и мысли. Слишком взрослый. Слишком большой.

Сильное тело прижимало к полу, подавляя любые попытки вырваться. Оставлял синяки на руках и ногах. Прокусывал до крови нежную кожу шеи и груди и слизывал рубиновые капельки. Мозолистая рука закрывала рот, заглушая девичьи крики боли. В кабинете и спальне сделана звукоизо-

ляция. Но мало ли.

Да он и не пытался показаться нежным. Заключил юную официантку в стальные объятия, как только она переступила порог комнаты, впился сухими губами в податливый красный рот. Мягкая, сладкая, ароматная.

Одним рывком разорвал тонкую ткань чёрной блузки с бейджиком бара и прямо тут же повалил на паркетный доски. Пол всегда легче отмыть от крови, чем простыни. А свою постель Гадес любил и был на удивление чистоplotным во всём.

Хотя с девственницами он имел дело впервые в своей жизни. До этого попадались лишь «опытные» жрицы любви, над чьей опытностью он потом громко смеялся, оставшись наедине в стенах кабинета.

Чиста и невинна. Он читал её память как открытую книгу и поражался, как такой цветок сохранить свою чистоту в погрязшем в пороках городе.

Девушка не вырывалась. Понимала где-то в глубине души, что не справится ей с атлетически сложенным мужчиной. И по этой причине отдала всю себя в сильные руки, позволяя причинять боль. Сама же захлёбывалась слезами, ску-

лила раненым волком. Царапала ногтями по полу.

Он рвал её, рвал молодое тело, раздавливал ментальной силой. Слишком взрослый. Слишком большой.

Гадес с садистским наслаждением упивался девичьей болью, выпитывал её в себя и не мог насытиться. С каждым сильным толчком расширял тесный для него вход в девичье лono, принося новую порцию сводящей с ума боли.

Сама того не ведая, она подталкивала его к грани, непроизвольно сжимаясь вокруг его плоти, удерживая внутри, пульсируя каждой клеточкой. И только сильнее распяляла и без того горящего изнутри мужчину, лишала рассудка и человеческого облика.

И он терял голову. Рычал как дикий зверь. С перекошенным от желания лицом, вздутыми венами на руках и шее.

– Кричи... – Острые зубы смыкались на затвердевших сосках.

И она, послушная его воле, кричала. Боль и удовольствие смешивались воедино.

Эту ночь она запомнит надолго. И не потому что первый

раз превратился для неё в маленькую смерть, обогрётную в цвета крови. Нет. В знак благодарности Гадес подарит ей такой мощный оргазм, что звёзды вспыхнут ярким фейерверком перед глазами и небывалая мощь вольётся в хрупкое тело, вознося над городом с его зловонными переулками и серыми домами.

Свернувшись калачиком, официантка лежала на холодном полу, боясь пошевелиться. Сломленная, измученная, больная. Опухшие и покрасневшие от слёз глаза устало смотрели куда-то вдаль.

Некромант, посвежевший, только что принявший душ и переодевшийся в новую рубашку и брюки, опустился перед ней на колени. Перевернул на спину. Мокрое полотенце коснулось внутренней стороны бёдер. Девушка вздрогнула и попыталась отодвинуться.

– Тише. Это всего лишь полотенце. Грёбаное вафельное полотенце. – Хриплый шёпот коснулся израненного сознания Про.

Хотела приподняться и отобрать ткань, чтобы самой привести себя в порядок, скрыться в ванной комнате от пронзительных глаз хозяина бара. И не смогла сделать малейшее движение. Тело отказывалось слушаться.

Покончив с кровью на теле девушки Гадес осторожно взял её на руки и перенёс на широкую двухспальную кровать. Тяжёлый шотландский плед опустился на бледные плечи в фиолетово-чёрных разводах синяков.

– Спи. Ты устала.

Про вошла, аккуратно притворив за собой дверь. Замерла. Как он отреагирует? Явно не обрадуется. Не маленькая же девочка. Через месяц станет совершеннолетней. А об элементарных способах предохранения не подумала. Дура...

– Ты что-то хотела?

Голос Гадеса мягким бархатом скользнул по коже, вызывая приятную дрожь в коленках и пробуждая бабочек внизу живота. Он не знал какие эмоции вызвал в незваной гостье, но, признаться на чистоту, был немало удивлён тем, что девушка сама, по доброй воле, пришла к нему в кабинет.

– Я беременна...

Вот значит как. Проторили дорожку и пошла, пошла

по рукам бывшая невинная, ныне всем доступная. А ведь по ней и не скажешь что она училась в закрытой школе для девочек при монастыре. Однако мужчина был в ней, читал её память и знал все секреты. Обида и злость неприятно кольнули под сердцем. Он то думал, что она пришла просить повторения, на коленях умоляя и выпрашивая. После того экстаза, что он ей подарил и который она больше не испытает ни с одним человеком.

– Понимаю. Хочешь уволиться? – Гадес взглядом буравил фигуру девушки, ища первые приметы будущего материнства. Если только она не сделает аборт.

– Нет... Вы не понимаете... – Лучистые небесно-голубые глаза с мольбой смотрели на хозяина бара.

– Не понимаю чего?

– Отец ребёнка – вы.

Сначала подумал, что не расслышал. Но когда смысл сказанного наконец-то дошёл до него, громко рассмеялся, ладонью вытирая выступающие слёзы. Ай да лиса! Ай да бестия! Какова, а?

– Малышка, я никак не могу быть отцом твоего ребёнка.

Я стерилен.

Шок, непонимание отразились на юном личике Про. Переигрывала. Ой как переигрывала. Другой бы поверил.

«Из неё получится замечательная актриса». Кривая усмешка исказила красиво очерченный рот.

– Но как же... Ведь кроме вас... Никого...

– Значит был кто-то ещё. Но ты это забыла.

Гадесу стало жаль девушку. Что бы там не кричал внутренний голос, но не мог он поверить, что она опустится до такой низости! Разум нашёптывал, что это игра, в которой ему отведена самая плохая роль: стать богатым папочкой для не рождённого малыша. Ещё и шантажировать начнёт. Так и так, изнасиловал, ребёнка заделал, а теперь на попятную пошёл.

Разум буйствовал, а сердце молчало. Сердце знало, что девушка попала в беду. Это как же надо было вляпаться так, чтобы попасть в лапы гипнотизёра или мага, или кого там ещё. Да любого, кто умеет стирать память о своём присутствии.

– Подойди ко мне.

И Про подошла. Не смела послушаться, когда он говорил таким таким тоном. Тихий полу-шёпот, полу-приказ. Аристократические пальцы мёртвой хваткой сцепились вокруг затылка. Горящий взгляд устремился внутрь неё. Тёплая волна энергии влилась и наполнила силой.

Он смотрел и искал. И не находил. Ни одного намёка на то, что кто-то проникал в мысли девушки и подвергал её гипнозу. Единственное, что было, так это следы его недавнего пребывания, месяц назад, когда он своей силой и мощью чуть не превратил девушку в амёбу.

«Так не бывает. Я стерилен».

И правда, столько лет пытался с той, кто подарила цепь, и ничего. Были и другие женщины. Но и они остались бесплодными. Мёртвое семя Гадеса не приживалось в живом теле и лоне. Только одна могла стать носительницей ребёнка некроманта. Но она предпочла сделать аборт, навсегда ввергнув душу мужчины в вечную тьму. Прозерпина ушла от него к другому.

Но как же тогда это юное создание смогло назло всем законам, божественным и природным, сохранить и дать жизнь

его семени? Хитрая уловка человеческой дочери с целью заполучить его, Гадеса, в свои маленькие ручонки и подчинить себе, как цепного пса, лишь изредка отпуская погулять на волю?

От горестных мыслей заломило виски. Всё равно докопается до правды.

Раскалённая лава обрушилась на девушку, ища, выскивая, сметая. И снова крики боли раздирали её горло. И снова она корчилась, пытаясь освободиться от мужских рук. Но он лишь одним резким движением впечатал её в стену и сверлил, сверлил взглядом.

Вот она! Печать тяжёлой плитой лежала на подсознании и не выпускала наружу память. Омуты глаз торжествующе вспыхнули красным пламенем. Попался, кем бы ты не был. Теперь Гадес имеет полное право свернуть нахалу шею за притязание на то, что принадлежит некроманту. Это его официантка. Только его.

Сразу бы заметить, что печать то не простая, но поздно. Сорвал в приступе ярости и обезумел от того, что увидел. А Про уже сползала на пол, теряя сознание от боли и нахлынувших на неё воспоминаний.

Подхватив бесчувственную девушку на руки, Гадес осторожно уложил её на письменный стол. Поцеловал, заслоняя собой, своей силой безумную лавину, создавая щит вокруг их тел. Память бурлила, как горная река, вырвавшаяся из берегов.

– Подожди меня, Гадес!

– Жду, моя королева, жду.

Гадес подхватил бегущую ему навстречу девушку и заключил её в крепкие объятия. Тонкие руки обвились вокруг шеи. Светловолосая красавица счастливо засмеялась, утыкаясь носом в ключицу мужчины и вдыхая в себя аромат его кожи.

– Как я ждала тебя...

– Как я ждал тебя...

Жадно припал к коралловым губам, как будто от этого зависела его жизнь. Впитывал в себя, запоминал каждый изгиб стройного тела.

Гадес отстранился от молодой официантки. Глаза под плотно закрытыми веками были неподвижны. Неестествен-

ная бледность молоком разлилась по лицу. Мужчина прикоснулся к холодной руке и нащупал пульс. Жива.

Некромант легонько похлопал Про по щекам, чтобы привести в чувство. Ласковые слова помимо воли срывались с губ. Он звал, призывал услышать его голос.

– Девушка... Девушка... Как твоё имя?

Пушистые чёрные ресницы дрогнули. Незаметная невооружённому взгляду тень скользнула по правильным чертам лица и тут же исчезла.

– Девушка... Ради всех богов заклинаю, ответь!

– Про. Просто Про.

– Имя!

– Прозерпина. – Лёгкое колыхание воздуха. Но он услышал.

– Твою ж мать!

Все эти годы... Эти грёбанные годы он ломал голову, пытаюсь понять почему та, другая Прозерпина, избавилась от их

малыша и ушла к другому. Все эти проклятые годы он мучился, не спал ночами, крушил мебель. А всё оказалось так просто. Та Прозерпина была не настоящей. Фальшивка, хорошо сделанная копия.

Мысль голодным волком въелась под черепную коробку: ребёнок был не от него. Поэтому и избавилась. Заметала следы. Чтобы он, Гадес, не узнал кровь и плоть от крови и плоти своей? Конечно, он потерял былую хватку, перестал быть внимательным. Иначе бы давно понял кто все эти годы делил с ним постель. Но он ничего не замечал кроме волнующего тела и разгорающегося в крови огня, разбуженного смелыми и дразнящими прикосновениями.

Другая мысль, наступая на пятки первой, вторглась в него: Змей знал. Его прощальные слова «Ты бы аккуратнее... с девчонкой... Грай вон... Ещё тебя не хватало...» полыхнули перед мысленным взором. Змей пытался предупредить. Именно предупредить, потому что по какой-то неведомой причине он не имел права рассказать в открытую об истинной природе девчонки. Кто или что заставило бесстрашного царя змей замолчать?

Третья мысль бесцеремонно вытолкнула остальные две: а какое отношение во всём этом играет амулет на шее некроманта, который Змей так внимательно рассматривает при

каждой их случайно встрече?

Не в силах больше думать Гадес послал мысленный приказ Змею с требованием немедленно явиться в бар. Ответ не заставил себя долго ждать.

«Слушаюсь и повинуюсь, о страшный в гнев повелитель подземного царства».

От некроманта не ускользнули ни язвительные нотки в голосе нага, ни задевающий за живое смех.

– Чтоб тебя, гад ползучий, – в сердцах выругался мужчина, поднимая лежащую перед ним девушку на руки и унося её в спальню.

Неважно, чем закончится разговор со Змеем. Девушка нуждается в отдыхе и уходе после всего свалившегося на неё за последний месяц. Свалившегося из-за него, Гадеса. Правильно его называют мертвечиной. Бездушный, безразличный, привыкший удовлетворять свои потребности, не задумываясь о других. Чем он лучше людей? Правильно, ничем. А значит выход один: понять, когда и где он оступился.

Хотя тут и понимать не нужно. Всё началось с фальшивой Прозерпины и тянется до сегодняшнего дня. Гадес знал дав-

но, но не воспринимал всерьёз последствия, которые непременно последуют за закрытием души от всего мира. Некромант не имеет права превращаться в эгоистичную мразь.

Официантка Про могла пойти к властям и сдать хозяина бара со всеми потрохами. Держит на работе несовершеннолетних – раз. Спит с ними – два. Это, как минимум, тянет на две статьи и приличный срок к тюрьме или колонии строгого режима. Про могла и имела на это все основания и права. Изнасиловал? Так получай по заслугам. Вложил семя? Вот и тяни до конца дней лямку.

Но она поступила так, как посчитала правильным. Про пришла к Гадесу и честно ему всё рассказала. Чувствовала ли она крепко связывающую их нить или через блок иногда что-то просачивалось, тревожа и без того беспокойные сны?

Дыхание с хрипом вырывалось из груди спящей девушки. Измученная, напуганная всем происходящим и свалившимся на неё снежным комом, о чём она думала? Смятые чёрные простыни оттеняли неестественную белизну её кожи с прожилками сине-чёрных вен и залёгшими под глазами тёмными кругами. Где-то там, в этом хрупком теле, зарождается новая жизнь, семя некроманта. Какие-то недели и молодая Душа спустится по серебряному лучу, связавшему её с мо-

лодой матерью. Звёздный ветер пронесёт радостное известие по всем Вселенным, далёким и близким. Возрадуются существа, приложившие столько сил в этом непростом деле. Ребёнок некроманта должен родиться, несмотря на противодействия со сторон оппонентов. Игра выходила на другой уровень и ставки в ней поднимались к заоблачным высотам. Всё или ничего, такова цена.

Пусть сейчас противники радуются, потирая руки и планируя новые ходы. Пусть бывшие друзья враждуют друг с другом, проливая кровь с обеих сторон. Пусть матери отрекаются от детей, а птенцы от матерей. Будет так и ещё хуже. Каждый на своей шкуре прочувствует, как это – выбирать наживу и забывать о Душе. Уходило счастье, приходили беды. Открывались двери и впускали мрак. Каждый шаг над Бездной отнимает веру. Каждый шаг в забвение забирает жизнь. Последнее слово всегда на стороне тех, кто бережёт миры от разрушения. И слово это будет «Хватит».

А пока будущая мать отдыхает, набирается сил. Сколько сможет, пусть остаётся в стороне от надвигающейся лавины. Скоро судьбы всех вожаков стай переплетутся в тугий клубок. И только мудрость и открытые сердца помогут им развязать тянущиеся из далёкого прошлого узлы. В конце дороги они обретут то, что каждый из них ищет. Кто-то – семью. Другие – любовь на веки вечные. А кому-то придётся потес-

ниться и уступить место, навсегда уходя за грань, где давно ждут и приготовили декорации к приходу.

Шаман бьёт в бубен и Вселенная замирает перед начинающимся танцем. Планеты и орбиты, звёздные скопления и туманности сменяют на небе друг друга, перечёркивая, перекраивая судьбы тех, кто связан с ними. Танцуют, кружатся в звёздном вихре старые и молодые Души, покинувшие миры и ещё только готовящиеся появиться на свет пред грозными очами Создателя.

Спи, Прозерпина. Скоро и твой час пробьёт. Смотри добрые сны, навеянные из звёздных сфер, и ни о чём не думай. Тебя защищают. Тебя поведут.

Змей

S. Werwolf

Змей.

Ты помнишь как сложно бывает порой
шагнуть за порог и крылья раскрыть?
Как трудно мечтать, пряча дикую боль?
И сложно друзей погибших забыть?

Ты помнишь как нас за грехи убивали,
клеймили безумцами, вешали, жгли?
Как от безнадёжности ночами орали?
И крылья сломав, по грязи всё ж ползли?

Ты помнишь как мы поднимались с колен
и взяв в руки меч, шли и дрались за честь?
Как ловили руками удары вдоль вен
и прочь отвергали мысли про месть?

Ты помнишь как наших родных убивали?
Детей как сжигали у нас на глазах?
Как мы от бессилия с тобою орали.
И ярость ломала зажимы в пазах.

Ты помнишь как на спине пробивались
от ярости крылья и ввысь нас несли?
И как палачи до безумия боялись
той боли, что мстители им принесли.

Крылья новые дала нам ярость.

Брат мой пламенный, чёрный дракон,
нам с тобою не ведома жалость
к тем, кому не указ и закон.

Но однажды наступит прощенье.
Сбросив плоть и свою чешую,
воспарим вновь на белых мы перьях
и споём миру песню свою⁴.

Змея никто не любит. Разве что его племя, змеинный народ, чьим царём его объявили полсотни лет назад, преклоняется перед ним как перед Богом. Умный, справедливый и... жестокий по отношению к тем, кто нарушает древние и человеческие законы.

В городах он предпочитает передвигаться в людском обличье: красивый, зрелый мужчина спортивного телосложения. Длинные каштановые волосы спадают по плечам на спину. Небрежно накинутая рубашка оголяет гладкую, без единого признака волосатости, рельефную грудь. Мускулистые руки с многочисленными шрамами выглядывают из под завёрнутых рукавов. Конфетка, а не мужчина. А какой от него исходит аромат. Самец, самец всем своим существом. Горячий, необъезженный. И голос под стать: волнующий кровь шёпот, бархатные нотки, навевающие порочные фантазии.

⁴ Евгений Волконский, стихотворение «Брату», https://vk.com/old_time_pages

В таком ракурсе на глаза мало кто обращает внимания. Подумаешь, причуда. Ну нравятся мужчине змеиные линзы. Так даже лучше, загадочнее, опаснее.

Массивные перстни, браслеты на руках и ногах, переплетающиеся цепи на шее не прихоть красивого представителя сыновей Адама и Евы. Они призваны сдерживать рвущуюся наружу звериную натуру и природную силу, которые давали о себе знать в присутствии очаровательной особи женского пола и во время голода. Нет, нет, не физического.

Особенно тяжело становилось в «змеиные ночи», как их прозвали в народе. Ночи, когда змеи и наги устраивали брачные игры, выползая из клеток серого города на залитые молочным светом Луны поляны и леса. Ночи, когда нет запретов и всё позволено.

Она резким контрастом выделялась на фоне обычных девишек. Обычных – значит из мира людей.

– Она не пара тебе, Змеиный Царь... – шептали змеи, взывая к разуму своего повелителя. – Она погубит тебя...

– Молчать...

И они умолкли. На время.

Судьба ли так распорядилась или Боги так зло пошутили, но девушка узнала о нём всю правду. Узнала и приняла его мир. В их первую змеиную ночь человеческая дочь наотрез отказалась видеть Змея в людской личине.

– Я хочу увидеть тебя настоящего. Для этого и созданы эти волшебные ночи. Разве я не права?

Права. Тысячу раз права. И Змей не смог отказать той, которой подарил раненое сердце. И он впервые за время своей жизни в городах сам, по доброй воле, снял постылый металл и предстал во всей змеиной красоте: торс мужнины и хвост змеи. Изумрудная чешуя переливалась насыщенными оттенками в свете ночного светила и создавала вокруг нага сияющий ореол. Царские регалии – толстые обручи браслетов с огромными драгоценными камнями красного и зелёного цвета (рубины и изумруды) на хвосте и великолепное золотое ожерелье, покоящееся на груди – поражали своей красотой воображение.

Она не испугалась, не отвернулась. Лишь поморщилась когда тяжесть его тела придавила к влажной траве и мужское копьё, до этого скрытое складками кожи, вошло во влажные глубины пульсирующего лона, наполняя, заполняя матку до предела. Большой и сильный. Первый и послед-

ний.

Стройные ноги обвились вокруг мужских бёдер, плавно переходящих в трёхметровый чешуйчатый хвост.

– Глупышка... Почему ты не сказала... что невинна?

– Я думала, ты знаешь. – Лёгкий румянец коснулся щёк девушки.

– Не знал... Я бы не был... так груб... – бархатный шёпот потонул в сладком поцелуе.

– Ты не был грубым, мой Змей.

Это её он найдёт спустя время в грязной подворотне, изнасилованную и с перерезанным горлом. Найдёт случайно, возвращаясь со взрослыми сыновьями от первой жены из гостей, по запаху крови и затихающему пульсу того, кого она носила под сердцем. Она была на седьмом месяце беременности.

Как во сне Змей разрезал острым ножом кожу на животе девушки и вытащил наружу яйцо с прозрачной скорлупой, сквозь которую был виден зародыш ребёнка-нага. Старший из отпрысков снял с плеч плащ и закутал в него будуще-

го брата или сестру. Змею – сыну не нужно было говорить, что делать дальше. Кивнув отцу, он быстрым шагом покинул подворотню, унося яйцо в безопасное, а главное тёплое место.

Младший остался со Змеем ждать приезда полиции.

Память услужливо подлила масла в огонь бушующих чувств змеиного царя: предыдущая жена, змея по крови, тоже умерла. Но умерла, давая жизнь их второму сыну, который сейчас сидел рядом и обнимал отца за плечи.

Правду о Змее не знал никто. Разве что Грай. И то только потому, что совал свой нос куда не следует. Пусть лучше считают его, нелюдя последней тварью и мразью да и вообще скользким типом.

Когда Грая обрядили в смирительную рубашку и запрятали в каменные стены больницы Змей не на шутку испугался. Не за себя, но за своих детей и свой народ. И поступившись своими принципами первый и последний раз пришёл к нему.

– Если ты расскажешь хоть одной душе... умрёшь... Мучительно... и долго.

Змеиные глаза вспыхнули в свете тусклых ламп. Грай по-

нял и запомнил угрозу нага.

Амулет на шее Гадеса помнил те времена, когда города как такового ещё не существовало и на месте каменного гиганта простирались топи да болота со всевозможными тварями и гадами ползучими и летающими. Местность от вторжения посторонних с трёх сторон защищал древний могучий лес, чьи ветви-лапы тянулись до небес, защищая живущих в нём от солнечного света. Змеи без страха грелись на поросших мхом камнях, подставляя под горячие лучи холодные спины и бока. Запахи гниющей воды и травы их несколько не беспокоили. Со временем ко всему привыкаешь.

Да, привыкнуть можно ко всему. Но не к людям. Когда человеческие руки начали разжигать по ночам костры, змеи не паниковали. Мало ли на свете глупцов, желающих раньше времени расстаться с жизнью? Топям и болотам без разницы, чьё тело затягивать в свои мокрые вязкие объятия. Тварям, прячущимся в трясинах, всё одно, будь это тушка животного или заблудившегося путника. Мясо остаётся мясом и под одеждой, и под толстой шкурой. Воды затянут, воды обнимут и даруют покой.

Змеи не волновались и тогда, когда люди брали в руки

топоры и пилы и освобождали место для своих непрочных домиков. Негостеприимная земля, тлетворные запахи, комары и прочая мошкара сделают свою неблагодарную работу и прогонят незваных гостей восвояси. Там, где обитают змеи, людям не место. Каждому Создатель отвёл свою зону обитания. Не нужно претендовать на чужое.

Если Царя змей спросят о том, когда же город отвоевал у болот землю для существования, он не сможет ответить. Когда он появился на свет тёмной ночью во время бушевавшей над миром грозы, каменные бездушные клетки-квартиры уже давно сменили деревянные хижины. Город рос не по дням, а по часам. Люди в комбинезонах и масках на лице выжигали землю, высушивали болота, травили ядохимикатами мошкару, не задумываясь над тем, что травят и саму почву, на которой им потом выращивать фрукты и овощи, и воздух, которым они и их дети будут дышать.

Амулет некроманта пережил все эти непростые времена и в день совершеннолетия перекочевал на шею Змея с материнским благословением и отцовским напутствием на дальнейшую жизнь. Они были стары и мудры, его родители. И они уходили в другие земли, в места упокоения, где каждый змей, не способный больше к продолжению рода, проживал остатки подаренных Создателем дней в тишине, подальше от молодняка. Старые уходят, их место занимают бо-

лее молодые и сильные. Так было всегда и так будет и после них. Колесо жизни крутится неумолимо.

Никто теперь не скажет, какие тайны прятали древние наги, создавая своё творение и надевая его на шею возлюбленным женщинам-змеям. Когда жёны умирали, ожерелье уходило вместе с хозяйками в небытие, сопровождая их в загробной жизни и оберегая от опасностей. И горе тому змею, кто, прельщённый жаждой наживы, оставлял ожерелье себе. Не обретя покой, золотые переплетённые в танце змеи навлекали на владельца всевозможные горести, выпивали Душу его до дна, пока он сам не начинал просить смерти. А если владелец оказывался сильнее, то магия амулета постепенно, по кусочку за раз, превращала его в бездушного монстра. Что, соответственно, и происходило сейчас с Гадесом.

Секрет создания амулета передавался из поколения в поколение, в глухих лесах при свете мертвенно-бледной Луны. Женщины умирали во время родов или после них; попав под колёса проезжающего автомобиля или оказавшись случайной жертвой нападения в городе. Женщины умирали и нуждались в охране в мире мёртвых. И плавилось золото, чтобы в сильных руках мастера явить на свет очередной амулет.

Та, что выдавала себя за Прозерпину, не могла и не хотела знать правду про ожерелье. Какая это скука, копаться в ис-

тории безделушки, хоть и золотой. Кому нужно, пусть сами идут в змеиные логова и вынюхивают, выясняют, договариваются. Хладнокровные твари не признают никаких правил кроме тех, что написал их Царь. Что ценно в глазах волков или пауков, то считается пылью и мусором у них.

На это и рассчитывала мадам Легран, вручая в руки фальшивой королеве подземного мира амулет, доставшийся ей с кровью. Воры, нанятые Паучихой, случайно убили жену Повелителя нагов. Девушка ни в какую не желала расставаться с вещью, подаренной возлюбленным Змеем, за что и поплатилась. А вот мадам Легран пережила пару неприятных, наполненных нервотрёпками и страхом, недель. А уж когда Змей переступил порог её салона, Паучиха приготовилась распрощаться с жизнью, решив, что не до конца замела следы и что пронырливый гадёныш пронюхал что к чему. И как же она радовалась, как же смеялась она над судьбой, подарившей ей шанс убить одним выстрелом не одного, а сразу двух врагов: некроманта и Царя. Первого сожрёт изнутри магия ожерелья. Второй свалится под грузом душевной боли, потеряв любимую и ребёнка. Красота, нарисованная алыми красками.

О том, что ребёнок выживет и до определённого времени будет спрятан от всего живого, не будет знать никто, кроме сыновей и родителей Змея, к которым и принесут яйцо, вы-

резанное из живота умирающей на руках Царя жены. Чем меньше окружающие знают, тем лучше и безопаснее для ребёнка. Интуиция твердила, что так нужно, так правильнее для всех. Ребёнок, пусть даже находясь в чреве матери, сохраняет память о её последних днях и месяцах жизни. А это давало неопровержимые доказательства против преступника, если он, конечно, отыщется. Только бы младенец выжил. Это и стало главной задачей для Змея.

В последнее время Змея часто мучили сны. Тяжёлые, вязкие, они засасывали в пучины, где нет света и надежды. Было ли это последствием пережитых кошмаров или отголосками прошлых жизней? К сожалению, ответить на данные вопросы он не имел возможности. События закручивались с пугающей даже его быстротой и не хватало времени, чтобы всё как следует обдумать. А вспоминать о времени, когда он летал, глупо и опасно. Стая сочтёт, что Царь тронулся умом от слишком тесного общения с крылатыми и выберет нового Повелителя. Молодого, глупого и поддающегося чужому влиянию. Тогда развалится всё, что Змей создавал долгие годы. Сплотить молодых и старых, научить взаимодоверию и взаимопомощи, на собственном примере показать, что можно и нужно дружить не только с себе подобными, но и остальными творениями Бога. А главное, не уби-

вать слабых, чтобы освободить их место. Позволить им уйти на покой вслед за стариками и доживать оставшиеся годы так, как хочется им.

А сны подкрадывались, настигали, наступали на пятки. Ломило лопатки и спину от боли несуществующих крыльев. Чёрные, кожистые, кому принадлежали они? И сам же себе ответишь: дракону. Ледяной пот проложит дорожку вдоль позвоночника.

– Точно спятил.

Скребётся и воем глубоко внутри непонятное чувство потери. Не так, совсем не так болело после смерти жён. Сейчас – больнее, жёстче, без наркоза и передышки. Вцепилось и не отпускает. Тянет на дно, трясёт за шкуру и молча требует: «Вспомни!».

Косится в его сторону бабка Абигайль. Безликий при редких встречах сверлит пронизывающим взглядом. Они ждут. Змей нервно одёргивает себя при таких мыслях и затягивается сигаретой. Иногда можно позволить себе слабость и подчиниться табачному змию, отдаться в его плен по собственной воле.

Может и спятил. Но в палату к Граю не тянет попасть. Да

и не посоветуешься ни с кем, кому можно довериться и изложить проблему. Так и так, мол. Приходит во снах незнакомец, превращает в огромного дракона и забирает в небо. И воспоминания о той, чужой жизни, что с ними делать? Найти гада, что сломал чёрные крылья, и свернуть ему шею в знак мести? Но не слишком ли дико звучит фраза: «Это тебе за мою прошлую жизнь»?

Сводит с ума, перечёркивает жирным росчерком настоящее и будущее. Терзают обещания, что давал парню из сна. Пугают картины сгорающих в домах людей и детей, распротёртых по земле трупов женщин и стариков. И этот проклятый запах. Запах горелой плоти. Его, Змея, плоти!

Нужно поговорить с Абигайль. А лучше с Безликим. Только бы встретить его. И плевать что скажут остальные. Стая не узнает, а крылатые не разглашают тайн. Засмеять – могут. Но к насмешкам он готов.

S. Werwolf

Мадам Легран. Рисунок неизвестного поклонника на стене сожжённого особняка.

В салоне мадам Легран никогда не зажигали электрический свет и строго следили чтобы солнечные лучи не проникали в помещение через тяжёлые бархатные шторы цвета глубокой чёрной ночи, не знавшей звёзд и не помнившей Луны. Хозяйка, прозванная за глаза Паучихой, не признавала ничего, кроме свечей в канделябрах.

– Здесь главное – атмосфера. Ты только послушай... Свечи... Звучит намного романтичнее всяких там светильников и лампочек вместе взятых.

– Завязывай с романтикой и отвечай на поставленный вопрос.

Змей презрительно скривил губы и отмахнулся от плавающих в полутёмной комнате клубов дыма. Чего он терпеть не мог, так это недосказанности и непонятных намёков. «Иди туда, не зная куда. Принеси то, не зная что». Сказочки для богатых «кошельков», не наделённых умом. Да и зачем ум, когда всё можно купить за звенящую монетку или зелёные хрустящие бумажки? В этом мире можно купить всё, что душе угодно, было бы желание. А средства найдутся или отнимутся у доверчивых простаков.

– Какие мы холодные и злые. Тебя скорпион в хвост укусил или кошка чёрная дорогу перебежала?

Паучиха затянулась сигаретой и лениво откинулась на спинку мягкого кресла, ничем не выдавая удивления от появления Царя нагов в её скромном логове, служившем одновременно местом работы и отдохновения от суеты города. Где жила мадам не знал никто. Тайна эта хранилась столь тщательно, что любого, пытавшегося проникнуть в её глубины, ждало наказание в лице иронично улыбающихся стражей правопорядка, уводящих слишком любопытных экземпляров в «обезьянники» на пару недель. Да ещё и штраф с большим количеством нулей в конце квитанции отбивал всякую охоту к игре в детективов.

– Зачем быть таким серьёзным, Царь?

– Походи с моим проклятием и посмотрим, как у тебя будут обстоять дела с весельем и шутками.

– Не имею ничего против, мой хороший. – Тонкие бледные пальцы с чёрными волосками на костяшках скользнули по красной скатерти стола и схватили руку Змея цепкой хваткой. – Да не дёргайся ты так, – Паучиха сложила губы в подобии улыбки при виде того, как дёрнулся наг от её при-

косновения. – Должна же я видеть с чем мне придётся работать?

– Когда-нибудь я тебя убью.

– Мне расценивать это как комплимент или обещание?

– И то и другое. Работай, тварь.

Мадам театрально вздохнула, но предпочла не озвучивать в слух потаённые мысли в отношении Змея. Ещё не время раскрывать карты и бросать их в лицо противника. Игра началась и сейчас очередь мадам выходить на сцену и разыгрывать заранее выученную роль. А мысли? Так читай их сколько пожелаешь. Мадам давно научилась делить их пополам. Сокровенное – спрячь. Неважное – на виду. Спасибо бывшему любовнику, научил на свою голову. Мир его праху.

«Я ещё заставлю тебя поплакать, Царь. Много горьких слёз ты прольёшь, прежде чем догадаешься в чём дело. Но меня ты уже достать не сможешь».

Нить, протянувшаяся от мужчины, поражала воображение. Это сколько ненависти нужно копить в сердце, чтобы так проклясть? Тугая, натянутая до предела, звенящая гитарной струной от прикосновений, сотканная из боли, слёз

и душевных страданий. Кого же ты так сильно обидел, Змей? Отвергнутая любовь или рога ты муж?

Ай, какая красота! Аж дух перехватывает от мастерства сотворившего такое. Жаль, не отследить хозяина проклятия. Как бы не бычилась мадам Легран, а силёнок то у неё раз два и обчёлся. Атмосфера, вот что главное. Дай людям красивое имя, покажи пару трюков и они твои с потрохами. Дифирамбы в твою честь, лобызания рук и ног, битьё в грудь: «Она самая сильная!». Что ещё для счастья надо?

Атмосфера. Тысячи раз атмосфера. Когда-нибудь он поймёт. Но не сейчас, не сейчас.

Брошенный украдкой взгляд в сторону Змея подтвердил надежды мадам: купился, купился, гадёныш! Поверил разыгранному спектаклю.

– Чем ты готов расплатиться со мной, Царь?

Надежда, неприкрытая и такая... безумная, отчаянная. Злая и мрачная, острая как осколки битого стекла. Прикоснись и поранишься, истечёшь кровью. Отдашь то, что попросит. И не спросишь зачем, во имя чего? А стоит ли? Наверное, стоит. И нужно и важно.

Призраки прошлого тенями отразились на красивом лице мужчины и застыли в глубине глаз. Паучиха довольно улыбнулась. Вот и всё. Попался в паутину и не выкарабкаешься. Не захочешь выбираться на волю, на свет. Навеки останешься в сетях безвольной жертвой любви.

– И долго мы будем молчать? Моё время – золото.

– Ты... Ты знаешь как помочь? – Не голос. Хрип смертельно раненого зверя. Ну что за восхитительная, будоражащая красота сердечных мук?

– На неправильно поставленные вопросы я не отвечаю.

– Отвечай!

Бледная рука тенью мелькнула в воздухе. Змей не успел шелохнуться как цепкие пальцы сжали горло. Глаза человека, нет, не правильно, глаза паука, фасеточные, чёрные оказались напротив глаз мужчины.

– Не смей повышать на меня голос на моей территории, ящерица безногая, – Гнев, ледяной как сама смерть, разливался в маленькой комнатке. Кто бы мог подумать что Паучиха способна на проявление человеческих чувств? – Мне плевать кто ты там. Здесь ты – такой же, как тысячи других

жалких и никчёмных людишек, шныряющих по улицам в поисках надежды. Никто не помешает лишить тебя последних её крупниц. Ты меня понял?

– Да... Прости. – чуть слышно прошептал Змей.

Мадам не поверила в раскаяние нага, но предпочла вернуться на своё место.

– Твоя цена?

– Жизнь за жизнь, Царь. Жизнь за жизнь.

– А по другому...?

– А по другому никак. – Сигаретные клубы дыма зазмеились по комнате, размывая очертания тела Паучихи. – А теперь убирайся и приходи, когда будешь готов платить.

Он ушёл. Хотелось свернуть Паучихе шею, но нельзя. Пока нельзя. Они ещё поговорят по душам и расставят все точки над «и». В данный момент тварь нужна. А что будет в будущем знает один лишь Создатель. Но он молчит. Опять или снова?

Как же больно. Больно и противно до омерзения от соб-

ственной слабости. Что с тобой, мадам Легран? Струсила? Пожалела? Вспомнила о былом? Так получай по заслугам. Скули, вой, живи. Но помни. Навеки помни, пока жива.

Не прогнала, не отказала. Помогать тому кого поклялась погубить? Верх мазохизма. Да что Змей о себе возомнил? Почему он смотрит на неё как на ничтожество? Кто дал ему право ТАК смотреть? Что сделала она, чем заслужила такой взгляд? Тем, что родилась нелюдем? А сам то он кто? Ангелочек с белоснежным крыльями? Такая же тварь, только опаснее.

Он, он один во всём виноват. Ненавистный Змей. Из-за него мадам стала такой какая она есть сейчас. Злобная, ненавидящая, презирающая.

– Ты заплатишь. Ты за всё мне заплатишь, высокомерная сволочь... Ублюдок... Ненавижу!

Смех сквозь слёзы. Ненависть вперемешку с безумием. Любовь как желание обладать. Любовь как желание владеть, безраздельно владеть душой и телом. Наслаждаться властью над другим. Сломать и слепить из сломанного послушную куклу. Что может быть лучше такой любви? Повиноваться хозяину, ловить его восхищённые взгляды, слушать каждое слово и поддакивать. Это – настоящая любовь. Как они этого

не понимают? Как смеют осуждать?

– Ненавижу!

Кто-то любил тебя, Паучиха? Кто-то мечтал о тебе? По-настоящему, по-человечески? Кто-то открывал навстречу тебе сердце и дарил свои мечты? Нет. Тысячу раз нет. Так почему сейчас вы вините мадам в бессердечии?

Когда весь мир против тебя – ты тоже против мира. Но как же хочется любви и ласки. Почему? За что? Чем она хуже? Идеальное человеческое тело, пробуждающее порочные мысли. Глубокие завораживающие глаза. Да, пришлось приспособиться к гнилому человеческому миру и облачить себя в человеческую личину. Но это стоило того! Все потраченные усилия, ночи без сна дали головокружительный результат.

И всё зря. Любви как не было так и нет. Есть похоть, желание. Но не любовь и даже не нежность. А значит в груди снова будет взрываться новая волна ненависти.

– Ты в ответе за тех кого приручил, Змей. Ты в ответе.

Пробирающий до костей хохот. Жуткий и отвратительный, как и сама мадам Легран. Сколько угодно читай мысли

и сверли звериными глазами. Ничего у тебя не выйдет.

– Ты создал чудовище, Змей. Ты его создал.

Абигайль

Абигайль.

– Я знаю, кто может тебе помочь, – заговорщицки подмигнув, Лазурь наспех накинула на плечи лёгкую весеннюю куртку сочного оттенка индиго, обула ноги в резиновые сапоги и потащила оторопевшую Дельту в сторону одного из переулков, шрамом пересекающих идеальный с точки зрения чистоты центр города.

Переулок был «поломанный», как говорили местные. Это означало, что от него, словно от главной артерии в теле человека, разбегались в разные стороны ответвления и рукава. Те в свою очередь плодили новые лабиринты улиц и тупиков.

– Да куда же ты несёшься сломя голову? – пыталась притормозить разогнавшуюся подругу Дельта. – Заблудимся же.

– Не бойся, я знаю дорогу, – широко улыбнулась хозяйка индиговой куртки, оборачиваясь через плечо и сверкая глазами небесной синевы. – Я не первый раз к ней хожу.

– К кому это – к ней?

Лазурь рассмеялась чистым звонким смехом. Смесь из страха и недоверия, отразившиеся на лице Сильвии Гануш, которой сегодня была её подруга, кому хочешь подни-

мет настроение.

– К ней – это к Абигейль. Бабка Аби живёт здесь, недалеко.

Дельта лишь горестно застонала и мысленно пообещала содрать с девушки шкуру. Живьём.

Пробегая мимо магазина с разбитой витриной Лазурь на минуту притормозила, оглядывая себя и подругу оценивающим взглядом. Если Лазурь предпочитала во всём светлые цвета, то Дельта была её полной противоположностью. Они смотрелись как два зеркальных отражения. На одной – ярко синяя куртка и юбка более светлого голубого оттенка, изящные сапоги до середины голени. На другой – длинное пальто готического фасона, ботфорты на тяжёлой подошве и то ли платье, то ли юбка, но однозначно длинное и всё в чёрно-серой гамме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.